

УДК 94(37).0

**ДИОН КАССИЙ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОКТАВИАНА
В 44–31 ГГ. ДО Н.Э.: СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ****SPECIFICS OF CASSIUS DIO'S REPRESENTATION OF POLITICAL ACTIVITIES
OF CAESAR OCTAVIAN IN 44–31 BC.****К.В. Марков
K.V. Markov***Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603005, г. Н. Новгород, ул. Ульянова, 2**Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
2 Ulyanov St, N. Novgorod, 603005, Russia**E-mail: mkv_2003@mail.ru***Аннотация**

Статья посвящена вопросу о контрастности повествования историка Диона Кассия (II–III вв. н.э.) о политической деятельности Октавиана на разных этапах его карьеры. Анализ суждений и оценок автора показывает, что, несмотря на некоторые очевидные противоречия, проистекающие, вероятнее всего, от использования разных источников, взгляд Диона на продвижение юного Цезаря к верховной власти является более сложным и, вместе с тем, более последовательным, чем ранее предполагалось исследователями. Репрезентация карьеры Октавиана, выдержанная в лучших традициях прагматической историографии, могла выполнять парадигматическую функцию, демонстрируя актуальные для эпохи Северов пути преодоления политической нестабильности.

Abstract

The paper focuses at analyzing the specifics of Dio's attitude to the activities of young Caesar in years 44–31 BC. Some scholars state that the portrait of Octavian before Actium contrasts significantly with the paradigmatic representation of his achievements after the victory over Antony (Hose 1994, 431.). According to a different opinion, the purpose of Dio was to reveal and expose the "true nature" of Octavian's motives, rather than to provide moral evaluations of the statesman's struggle for power; such a pragmatic and realistic portrait could be intended as a comment on the rulers of Dio's own day (Swan 2004, 17). A. Kemezis questions these paradigmatic conceptions and comes to conclusion that Dio's narrative in Books 45–50 depended largely on the scheme of narrative modes, with Octavian as a "dynast" and Augustus as a *princeps* belonging to different "narrative domains" (Kemezis 2014, 120ff.). My point is Dio's view of Octavian's public career is more complex and more consistent than it has been suggested by scholars, with some discrepancies being detected as coming from the potential usage of different sources. The author frequently refers to the concept of human nature as one of the main driving forces of history. This is what lurks behind Octavian's race for power and his activities correspond to Dio's general idea of what political leaders do in times of civil wars, which might be relevant not to the *dynasteia* period only. In the Augustan section of the work, Dio continues emphasizing the statesman's pragmatism and finding faults with him at minor points.

Ключевые слова: Древний Рим, поздняя республика, Октавиан Август, Дион Кассий, династия Северов.**Key words:** Ancient Rome, the late republic, Octavian Augustus, Cassius Dio, Severi Dynasty.

Описание событий, связанных с переходом от республики к принципату, занимает исключительное место в «Римской истории» Диона Кассия по полноте и детальности передаваемой информации¹. Возможно, интерес автора к данному периоду обусловлен тем, что именно тогда закладывались основы государственного строя, который в основных своих чертах продолжал существовать и во времена Диона, то есть в конце II – первых десятилетиях III вв.² Пристальное внимание древний историк уделяет также началу политической карьеры Октавиана, подробно описывая путь юного Цезаря к власти в книгах XLV–LI. В работах современных исследователей можно встретить два противоположных мнения о том, каким образом Дион трактовал и оценивал данный период деятельности будущего создателя принципата. Согласно распространенной и укоренившейся точке зрения, в «Римской истории» есть два образа Октавиана – до и после битвы при Акции. До 31 г. он изображается амбициозным, жестоким, неразборчивым в средствах и лицемерным политиком, но в книгах,

¹ Об этом свидетельствует среднестатистическое количество лет, которые охватывает одна книга: 13,3 для книг III–XXXV (509–70 гг. до н. э.), 16,4 для книг LIII–LXXX (28 г. до н. э. – 229 г. н. э.), но только 3,3 для книг XXXVI–LII (69–29 гг. до н. э.). См.: Rich J.W. Cassius Dio. 1990. The Augustan settlement (Roman history 53–55.9), P. 13.

² Swan P.M. 1997. How Cassius Dio composed his Augustan books // ANRW. Teil II. Bd. 34. Hb. 3. S. 2525.

посвященных его единоличному правлению, Октавиан Август не просто предстает в более благоприятном свете, но служит образцом для императоров современной Диону эпохи¹.

Отмечая столь резкую контрастность образа Октавиана и полагая, что большая часть «Римской истории» была написана при Каракалле, М. Хозе даже сделал предположение, что книги, посвященные переходу от республики к принципату, объединены некой общей идеей, суть которой состоит в следующем. Путь Октавиана к власти был кровавым, но император сумел обеспечить себе более или менее стабильное правление и поддержку общества, благодаря тому, что добился согласия с сенаторами, гарантировав им престиж и почет, а также отсутствие страха перед политическими репрессиями. Такая трактовка служила своего рода сигналом Каракалле, показывающим, что если он, несмотря на обретение единоличной власти через кровопролитие, последует в итоге примеру Августа, то сенаторы будут готовы закрыть глаза на расправу над Гетой и его сторонниками².

Согласно другой точке зрения, контрастность в оценивании Дионом деятельности Октавиана до и после битвы при Акции не столь очевидна³. Отмечая двуличие юного политика, Дион не осуждает его, но пишет как последователь Фукидида, стремясь показать разницу между видимостью и реальностью, демонстрируя истинные причины того или иного образа действий⁴. Поведение Октавиана в период гражданских войн Дион объясняет неизменными свойствами человеческой природы, а также силой обстоятельств. По мнению П.М. Свона, именно реалистичное, правдоподобное описание могло бы послужить дидактическим целям, будучи адресованным, в том числе, представителям династии Северов⁵. Тем не менее, исследователи отмечают противоречивость оценок, объясняя ее отчасти состоянием источников (а именно наличием в них противоположных взглядов на переход к принципату), отчасти непоследовательностью самого Диона. Как пишет Дж. Рич, «иногда он выступает как циничный исследователь *Machtspolitik*, иногда как моралист, предлагающий поучительные сентенции и демонстрирующий модели надлежащего поведения»⁶.

Совершенно особый подход представлен в монографии А. Кемезиса, посвященной историописанию первой половины III в. Исследователь ставит под сомнение упомянутые выше «парадигматические» толкования и, опираясь на собственную концепцию т.н. «нарративных модусов» как структурообразующих элементов труда Диона⁷, приходит к выводу, что Октавиан как «династ» и Август как принцепс – это персонажи из двух разных частей «повествовательного мира» Диона Кассия, и поэтому их деятельность освещается под разным углом⁸.

Итак, перечень основных вопросов по теме статьи, оказавшихся в центре внимания современных исследователей, можно сформулировать следующим образом. Каковы критерии оценивания Дионом Кассием деятельности Октавиана в период с 44 по 31 гг. до н.э.? Насколько последователен автор в своих суждениях, и чем объяснить причины возможной неоднозначности его оценок – только ли противоречивостью данных источников? И, наконец, была ли у Диона некая общая концепция событий, относящихся к данному периоду?

Следует отметить, что укрепившееся в литературе мнение о контрастности оценивания Дионом деятельности Октавиана Августа на разных этапах его политической деятельности восходит к подробному филологическому анализу текста книг XLV–LI, представленному в работе Б. Манувальда. Исследователь приходит к выводу о весьма критическом характере повествования Диона. Некоторые пассажи, в которых автор «берет Октавиана под защиту» (XLVIII. 54. 2; XLIX. 14–16), Б. Манувальд объясняет тем, что древний историк использовал так называемую «официаль-

¹ Escribano M. V. 1999. Estrategias retóricas y pensamiento político en la Historia Romana de Cassio Dion // *AClass*. Vol. 68. P. 184; Reinhold M. 1988. From Republic to Principate. A historical commentary on Cassius Dio Roman history Books 49–52 (36–29 B.C.). Atlanta, P. 13–14; Wiedemann T. E. J. [Rev.:] Manuwald B. 1981. Cassius Dio und Augustus: philologische Untersuchungen zu den Büchern 45–56 des dionischen Geschichtswerkes. Wiesbaden, 1979 // *JRS*. Vol. 71. P. 202; Manuwald B. 1979. Cassius Dio und Augustus: philologische Untersuchungen zu den Büchern 45–56 des dionischen Geschichtswerkes. Wiesbaden, S. 70–75, 275.

² Hose M. 1994. Erneuerung der Vergangenheit: Die Historiker in Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart, S. 431.

³ Например, Б. Манувальд критикует М. Райнхольда за упрощенное понимание отношения Диона к Октавиану Августу (до Акция – «плохой», после – «хороший») и отмечает, что древний историк, переходя к повествованию о событиях, случившихся после 31 г., дает основателю принципата как положительные, так и отрицательные оценки (Manuwald B. [Rev.:] Reinhold M. 1991. From Republic to Principate. A historical commentary on Cassius Dio Roman history Books 49–52 (36–29 B.C.). Atlanta, 1988 // *AJPh*. Vol. 112. №. 3. P. 416).

⁴ Rich J.W. Op. cit. P. 14.

⁵ Swan P. M. 2004. The Augustan Succession: An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History, Books 55–56 (9 A.D. – B.C. 14). Oxford, P. 17; Swan P. M. 1997. How Cassius Dio composed his Augustan books // *ANRW*. Teil II. Bd. 34. Hb. 3. S. 2525.

⁶ Rich. J.W. Op. cit. P. 14;

⁷ А. Кемезис выделяет четыре таких «модуса», условно обозначая их как «республика» (т.е. период становления и расцвета республики), «*dynasteia*» (позднереспубликанский период), «принципат» и т.н. «*eyewitness mode*», т.е. повествование о правлении Коммода и династии Северов, основанное во многом на личных наблюдениях Диона. Они рассматриваются исследователем как обособленные части «нарративного мира» Диона, в которых действуют свои собственные правила относительно выбора тематики повествования и трактовки мотивов действующих лиц. Согласно А. Кемезису, различия между отдельными частями «Римской истории» затрагивают также конкретные литературные приемы, характер речей исторических персонажей и авторских отступлений от сюжетной линии (Kemezis A.M. 2014. Greek narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian. Cambridge; New York, P. 98).

⁸ Ibid. P. 120ff.

ную версию»¹. Вместе с тем, исследователь выражает удивление по поводу репрезентации роли Октавиана во время проскрипций (XLVII. 7–8. 1)². Дион пишет, что к убийствам в большей степени были причастны Антоний и Лепид. Что же касается юного Цезаря, то он не стремился к уничтожению многих людей, поскольку не был от природы жесток, и, делая лишь первые шаги на политическом поприще, не успел нажить себе множество врагов; более того, он желал снискать любовь граждан (XLVII. 7. 1–2). Далее следует очень важная ремарка. «Доказательством же является то, что и после того, как он (Октавиан. – К. М.) покончил с совместным правлением и обрел единоличную власть, он ничего подобного больше не совершал. И даже в то время (т. е. во время проскрипций. – К. М.) он не только не убивал многих, но спас очень большое количество людей...» (XLVII. 7. 3). Дион в данном случае не делает различий между Октавианом до и после битвы при Акции, показывая, что определенные положительные принципы его политики прослеживаются уже в самый ранний период. Цитированное поясняющее суждение – отнюдь не результат слепого копирования текста первоисточника, но сознательный концептуальный выбор автора.

Вместе с тем, в «Римской истории» есть множество пассажей, которые традиционно трактуются исследователями как примеры прямой критики Октавиана (XLVIII. 8. 5; XLVIII. 44; XLVII. 15. 2; XLVIII. 5. 3; XLVIII. 29; XLVIII. 34. 3; XLVIII. 36. 1; L. 3. 4). Рассмотрим некоторые из них. В 8-й главе XLVIII книги описывается столкновение интересов солдат и сенаторов-землевладельцев, которое имело место после прибытия Октавиана в Рим в 41 г. до н. э. Началась раздача италийских земель ветеранам. Октавиан вынужден был лавировать, идя на уступки то одним, то другим и навлекая на себя ненависть с обеих сторон. «Вследствие этого, – пишет Дион, – он не только ничего не добился, но и осознал на собственном опыте, что никакое оружие не способно заставить пострадавших благосклонно к нему относиться и, хотя с помощью оружия можно уничтожить всех тех, кто не подчиняется, им нельзя заставить человека любить кого-либо против воли. Тогда, хоть и неохотно, он пошел на уступки и не только не лишал сенаторов их собственности (а ведь раньше он не считал зазорным раздавать какие угодно их владения, спрашивая при этом: «Как же иначе мы будем выплачивать награды воинам?»), – как будто кто-то просил его воевать или обещать солдатам столь большие вознаграждения), но также не посягал на другое имущество, либо выделенное женщинам в качестве приданого, либо принадлежащего каким-то иным землевладельцам, если оно было меньше, чем надел, причитающийся одному ветерану» (XLVIII. 8. 4–5).

Действительно, если взглянуть на примечание автора, данное в скобках, на которое ссылается в своей работе Б. Манувальд, без труда можно увидеть неодобрение действий Октавиана. Тем не менее, если рассматривать данную ремарку не в отрыве от контекста, но с учетом обрисованных выше обстоятельств, отношение Диона к юному Цезарю предстанет в ином свете. Октавиан – это человек, который способен учиться на своих ошибках и который уже в период гражданских войн начинает осознавать важность благосклонного отношения к себе подданных, т. е. того, что в греческой политической мысли называлось *εὐνοία* и рассматривалось в качестве одного из важнейших критериев отличия идеального правителя от тирана³. Тот факт, что решение об уступках гражданам далось Октавиану с большим трудом, становится понятным, если принять во внимание описанное в 9-й главе негодование солдат, которые начинают бунтовать, убивают многих центурионов и хотят расправиться с самим Цезарем за то, что он отказался от конфискации (XLVIII. 9. 1–2). Более того, если сравнить текст «Римской истории» с тем, как данный сюжет представлен у Аппиана, может показаться, что Дион несколько идеализирует поведение Октавиана. Согласно Аппиану, для Цезаря в данной ситуации самым главным являлась поддержка войска, ради которой он был готов терпеть любое возмущение со стороны населения Италии. Кроме того, он не смог погасить пламя народного недовольства, так как у него не было для этого достаточных средств, вследствие чего он предпочел не обращать внимания на проявлявшиеся в это время наглость и дерзость солдат (App. B. C. V. 15). Таким образом, Дион, утверждающий абсолютно противоположное, либо сознательно искажает факты, либо черпает из источников ту информацию, которая импонирует его собственному представлению об Октавиане и создавала благоприятную почву для рассуждений о парадигмах поведения правителя.

Некоторые из так называемых «критических замечаний» Диона в адрес Октавиана касаются личной жизни будущего императора. Например, в 44-й главе XLVIII книги рассказывается о том, как Октавиан женился на Ливии, но может ли сам факт присутствия в тексте известного исторического анекдота восприниматься как проявление критики? Сравним, как данный сюжет трактуется у Диона Кассия и у Тацита. Согласно Тациту, современники упрекали Октавиана в том, что он «отнял у Нерона жену (*abducta Neroni uxor*) и издевательски (*per ludibrium*) запросил верховных жрецов, дозволено ли, зачав и не разрешившись от бремени, вступать во второе замужество» (App. I. 10; пер. А.С. Бобовича). На фоне такой оценки, имевшейся в источниках, позиция Диона выглядит весьма нейтральной. Собственных оценок автор не высказывает и уж тем более не делает акцент на

¹ Manuwald B. Cassius Dio. S. 71–72.

² Ibid. S. 70.

³ Ср.: III. 8. 2. См.: Blois L. de. 1998–1999. The perception of emperor and empire in Cassius Dio's Roman History // *AncSoc.* № 29. P. 272.

том, что Ливия была у кого-то «отобрана». Во-вторых, запрос к понтификам вовсе не кажется Диону «издевательским/насмешливым». Цезарь действительно сомневался в том, стоит ли жениться на Ливии, пока она беременна (XLVIII. 44. 2). В другом пассаже, также касающемся личной жизни Октавиана, критические нотки едва ли заметны. Речь идет о первом браке Цезаря, а точнее, о его расторжении. «Дело в том, что Цезарь, который не выносил довольно тяжелый нрав своей тещи (он ведь хотел и дело представить таким образом, будто разлад произошел скорее с ней, нежели с Антонием), вернул ее дочь обратно, клятвенно заверив, что она еще девушка, не опасаясь при этом людской молвы о том, что она в течение всего этого времени оставалась девственницей по какой-то другой причине, или что у него уже давно появился такой замысел на будущее» (XLVIII. 5. 3). Таким образом, Дион лишь констатирует факты, не высказывая собственной оценки, так же, как он это делает, описывая развод Октавиана со Скрибонией (XLVIII. 34. 3). Кроме того, если рассматривать процитированный отрывок в том контексте, в котором он приводится, то действия Октавиана, так же, как и характеристика его тещи, представляются вполне оправданными. Именно Фульвия и Луций Антоний изображаются инициаторами конфликта (XLVIII. 5. 2). Они из корыстных побуждений стремятся завладеть властью, «якобы, совершая это ради Марка» (XLVIII. 5. 3). Дион неоднократно отмечает, что в действительности яблоком раздора было участие Луция Антония и Фульвии в распределении италийских земель, а точнее получение ими собственной доли из того, что, согласно предварительному соглашению, должно было достаться солдатам Цезаря и Антония (XLVIII. 5. 1–2; 6. 1–2). Примечательно, что такой взгляд отличает Диона от Аппиана, согласно которому, действия Луция и Фульвии, действительно, были мотивированы их заботой об интересах Антония. Они опасались, что ветераны, получившие земли, будут благодарны исключительно Октавиану (В. С. V. 14). Кроме того, выступление Луция против Октавиана Аппиан объясняет тем, что первый принадлежал к лагерю республиканцев (В. С. V. 19).

Исследователи отмечают, что Дион неоднократно описывает лицемерное поведение Октавиана (XLV. 12. 2.; XLVII. 2. 2, 13. 2–4; 14. 1; XLVIII. 2. 1; XLIX. 18. 7)¹. Ряд таких случаев (XLVII. 2. 2; 13. 2–4; 14. 1; XLVIII. 2. 1) касается триумвиров в целом, но, как следует из уже рассмотренной 7-й главы, Октавиан далеко не всегда и не во всем поддерживал своих коллег по триумvirату, и, следовательно, не всегда можно ставить знак равенства между отношением автора к триумvirату и его мнением об Октавиане. В некоторых пассажах, действительно, описывается двуличное поведение Октавиана, проявившееся, например, когда он из политической целесообразности «притворился» (ἐλάττετο) другом Антония (XLIX. 18. 7), или, например, в 44 г. до н.э., когда юный Цезарь набирал войска в Кампанию, на словах желая отомстить за отца, но на самом деле из-за жажды власти (XLV. 12. 2)². Из ряда других сообщений Диона также следует, что Октавиан изначально был честолюбивым и амбициозным политиком (XLV. 4–5; XLVI. 46. 3–4; XLVII. 15. 2). Таким образом, Октавианом движет то, что Тацит называет *cupido dominandi*. По мнению Б. Манувальда, Дион «негативно оценивал данное качество и никак не связывал его со своими представлениями об идеальной форме правления»³. Этот вывод исследователь делает гипотетически, отталкиваясь скорее не от текста «Римской истории», но от характерного для римской общественно-политической мысли осуждения жажды власти и сопутствующей ей *ambitus*. В таком случае неизбежно возникает вопрос о том, в какой степени восходящие к полисной системе ценностей парадигмы общественного мышления были присущи историку III в. Кроме того, чтобы понять собственное мнение Диона Кассия, необходимо учесть, что автор «Римской истории» вслед за Фукидидом и Полибием придерживался принципов так называемой «прагматической историографии»⁴, согласно которым история понимается только как событийная, ставящая в центр борьбу индивидов за власть и влияние в государстве и борьбу государств за преобладание и господство. Исторический процесс протекает сообразно психологическим движущим силам, то есть качествам, неизменно свойственным как человеку, так и всему обществу⁵. Дион к таким качествам относит «честолюбие» (φιλοτιμία) и «свокорыстие» (τλασωνεξία)⁶. Их проявление предопределило, согласно

¹ Manuwald B. Cassius Dio. S. 70. По мнению Рича, Октавиан в начале своей карьеры показан как двуличный человек, чему Дион уделяет внимание при каждом удобном случае. См.: Rich J.W. Op. cit. P. 13.

² Подобное толкование получило развитие в работах современных исследователей, полагающих, что «мнение» и «пиетет» были дежурными штампами, выдержанными в истинно римских обычаях и использованными для того, чтобы заручиться поддержкой сограждан. См.: Межеричкий Я.Ю. 1994. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга, С. 130; Idem. 2016. Межеричкий Я.Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М., С. 161.

³ Manuwald B. Cassius Dio. S. 48.

⁴ Hose M. Op. cit. S. 433; Барг М.А. 1987. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., С. 61; Немировский А.И. 1986. Указ. соч. Воронеж, С. 75–76.

⁵ Для Фукидида человеческая природа в государственной политике, подобно норме у медиков, была константой, не подлежащей каким-либо значительным изменениям. Такая концепция позволяла отличать реальные мотивы поведения людей от того, что является видимостью, предлогом. Базовыми чертами истинной человеческой природы Фукидид считает агрессию и желание управлять другими (I. 76. 3; II. 50. 1; III. 82. 2; IV. 61. 5; V. 105. 2). Неизменность человеческой природы, по мнению Фукидида, позволяла извлекать уроки из истории и делать прогнозы на будущее. В этом отношении М. Рейнольд даже назвал Диона «последним учеником Фукидида». См. Reinhold M. Op. cit. P. 215.

⁶ Hose M. Op. cit. S. 381, 436.

Диону, такие важные события как борьба патрициев и плебеев, первая Пуническая война, реформы Тиберия Гракха, гражданские войны¹. Таким образом, повествование о политической деятельности Октавиана Августа находится в русле данной концепции, поведение юного Цезаря вполне соответствует представлениям Диона о неизменных свойствах человеческой природы. Отталкиваясь от этих свойств, Дион стремится вскрыть истинные мотивы поведения начинающего политика. В качестве примера можно привести начало 36-й главы XLIV книги, где говорится о том, что «...Цезарь пошел войной на паннонцев, не выдвигая против них никаких обвинений (ведь никакого вреда они римлянам не причинили), но с тем, чтобы поддержать боевую выучку солдат и предоставить им обеспечение за счет чужеземцев, ибо в отношении более слабых он считал справедливым все то, что угодно тем, кто их превосходит силой оружия». Данный пассаж перекликается с мыслями, которые Фукидид вложил в уста афинских послов, прагматично рассуждающих о том, что справедливость определяется лишь в споре между равными по силе противниками, а в остальных случаях сильные делают то, что они могут сделать, а слабые терпят то, что они должны терпеть (V. 89).

Помимо общих рассуждений о человеческой природе, Дион также подчеркивает специфику поведения военных лидеров в условиях гражданских войн. В 29-й главе XLVIII книги он пишет, что Цезарь и Антоний поделили между собой державу и начали войну против Секста Помпея. Именно по этой причине Цезарь даровал амнистию перебежчикам к Антонию из числа тех, кто воевал против Октавиана на стороне Луция, Брута и Кассия или же был проскрибирован. Дион комментирует данный случай следующим образом. «Таковы превратности гражданских войн и междоусобной борьбы, ведь *никто* (курсив наш. – К. М.) из государственных деятелей не придает значения справедливости, но всякий раз сообразно собственной выгоде и пользе они определяют, кто друг, а кто враг, и вследствие этого к одним и тем же людям они относятся то как к недругам, то как к соотечественникам в зависимости от обстоятельств» (XLVIII. 29. 3). В данном контексте действия Октавиана представлены лишь как частный случай по отношению к общей закономерности. Дион выступает как политический реалист и не столько критикует самого Цезаря, сколько делает акцент на характерных для гражданских войн тенденциях в поведении военных и политических лидеров.

Впрочем, рассказывая о деятельности Августа уже как единоличного правителя, Дион также демонстрирует разницу между заявлениями Августа и его реальными намерениями. Так, в 27 г. до н.э., объявляя о решении сложить в себя полномочия, основатель принципата на самом деле хотел упрочить легитимность своей власти (LIII. 2. 6; 11. 21. 1). Соглашаясь управлять только частью провинций и только в течение ограниченного срока, Август хотел казаться «демократичным» и не желал предстать в глазах подданных всевластным монархом, но на самом деле он оставил сенаторам наиболее слабые провинции, якобы, избавляя сенаторов от хлопот и опасностей, но в действительности для того, чтобы держать армию в своих руках (LIII. 12. 2–3). При этом автор допускает искажение фактов, дабы усилить контраст, поскольку ничего не упоминает о том, что легионы поначалу размещались и в сенаторских провинциях (LIII. 12. 3)². Согласно Диону, уже начиная с Августа разделение казны на эрарий и фиск становится номинальным (LIII. 16. 1; 22. 2–4). Демонстрируя разницу между видимостью и реальностью, Дион, как уже было отмечено, следует методу Фукидида и пытается выявить истинные мотивы действий политика³, но это, как будет показано ниже, не повлияет на общую оценку деятельности основателя принципата, так же, как не повлияет и признание отдельных отрицательных черт характера Октавиана, например, вспыльчивости (LV. 7. 1).

В качестве одного из наиболее веских аргументов Б. Манувальд и его последователи приводят упоминания Диона о расправе Октавиана со своими политическими противниками (XLVII. 49. 4; XLVIII. 13. 6; XLVIII. 14. 3; XLIX. 12. 44; LI. 2. 4–6). Рассмотрим эти упоминания. Когда Брут был разгромлен, некоторые его соратники покончили с жизнью, другие были схвачены и казнены (XLVII. 49. 4). Взяв город сабинян Нурсию, Октавиан облагает его такой контрибуцией, что жители вынуждены покинуть свою территорию (XLVIII. 13. 6). Одержав победу над Луцием, он казнит многих сенаторов и всадников из числа его сторонников (XLVIII. 14. 3). Лепида он лишает власти и тот вынужден жить в Италии под охраной. Из тех, кто были набраны в войска Секста, сенаторы и всадники, за исключением некоторых, были наказаны (ἐκολάσθησαν, т. е. Дион не уточняет каким именно образом), солдаты из числа свободных граждан пополнили легионы Цезаря, а бывшие рабы были возвращены хозяевам. Те города, которые перешли к Цезарю добровольно, получили прощение, но те, которые оказали сопротивление, были наказаны, причем опять не уточняется, каким именно было наказание (XLIX. 12. 4). После битвы при Акции Октавиан многих сенаторов и всадников покарал штрафом, многих казнил, а некоторых пощадил (LI. 2. 4–6). Методы обращения Октавиана с побежденными противниками отличаются определенной гибкостью. Как мы видим, он не только карает, но и дарует прощение. Несмотря на это, современным исследователям представляется очевидным противоречие между тем милосердием, которое Октавиан проявил во время проскрипций (XLVII. 7. 3), и той «без-

¹ Марков К.В. 2009. «Человеческая природа» как фактор истории в труде Диона Кассия // Вестник ННГУ Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 5. С. 237.

² Rich J. W. Op. cit. P. 15.

³ Ibid.

жалостностью», с которой он позднее будет расправляться со своими политическими противниками¹. Противоречие это может показаться не столь очевидным, если учитывать критерии самого Диона, определить которые нам помогает материал речей Мецената (LII. 14–40) и Ливии (LV. 14.4–21.4)². Их устами автор проводит четкое разграничение между оппозицией из числа гражданских лиц и военачальниками, оказывающими вооруженное сопротивление. По отношению к первым необходимо проявить милосердие, последних следует преследовать как «врагов народа» (LII. 31. 10; LV. 18. 5). Кроме того, следует учесть, что главными виновниками кровопролития во время проскрипций и военных столкновений после смерти Цезаря Дион называет не конкретных военачальников, но самих сенаторов, которые отказались последовать за каким-либо одним лидером и пытались лавировать. «Сенаторы сами обрекли себя на бедствия. Им необходимо было примкнуть к кому-либо одному наиболее здравомыслящему человеку и все время содействовать ему. Они этого не сделали, но возвеличивали одних, оказывая им поддержку в борьбе против остальных, а затем и их самих пытались сокрушить, вследствие чего у сенаторов не осталось ни одного друга, но все стали их врагами» (XLVI. 33 – 34. 1).

Еще более четко Дион высказывает свою позицию, подводя итог правлению Октавиана. По мнению автора, главной заслугой основателя принципата было то, что «он положил конец всем междоусобицам, сделал государство более сильным и весьма укрепил его, так что если он и совершил какое-либо насилие, как обычно случается в экстраординарных ситуациях, то винить в этом следует сами обстоятельства, а не его» (LVI. 44. 1–2). Как мы видим, автор «Римской истории», давая общую оценку деятельности Октавиана, не забывает о том, каким был его путь к власти. Он признает, что насилие действительно имело место, но оно представляется Диону неизбежным в условиях гражданских войн. Кроме того, в приведенном выше пассаже сам автор обозначил наиболее важные для него критерии оценки. Главное – это вклад политика в дело укрепления государства. Причем важен скорее конечный результат, нежели те средства, которыми достигается цель.

Современные исследователи нередко указывают на положительные отзывы Диона о Бруте и Кассии (XLVII. 32. 2; 38. 3; 42. 3) как на проявление прореспубликанских симпатий автора на фоне критического восприятия деятельности Октавиана³. В одном из пассажей Дион называет Брута и Кассия «истинными друзьями народа» (XLVII. 38. 3), которые искренне верят в то, что сражаются за свободу, народовластие, неподвластность тиранам, равноправие (XLVII. 32. 2; 42. 3–4). Автор в данном случае, вероятно, следует за материалом источников, ибо тема сохранения римлянами свободы стала ключевой для римской политической мысли I в. до н. э., а призыв к восстановлению *libertatis* (*rem publicam in libertatem vindicare*) являлся одним из важнейших элементов пропаганды и агитации республиканцев⁴. Вместе с тем, признание искренности побуждений Брута и Кассия отнюдь не означало солидарности с их политическими целями. Автор, осуждая убийство Цезаря, пишет об организаторах заговора следующее: «Они утверждали, что ниспровергли Цезаря и освободили народ, но на самом деле они устроили бесчестный заговор⁵ и привели в смятение город в тот момент, когда он уже обрел надежную власть» (XLIV. 1. 2). Ниже Дион подчеркивает, что Брут и Кассий не смогли осознать невозможность сохранения «демократии» (республики) в тех условиях, когда Рим стал великой державой, и поэтому «стали виновниками многочисленных несчастий, как своих собственных, так и случившихся с другими людьми» (XLIV. 1. 2). Здесь же Дион утверждает, что именно «монархия» (принципат) является наиболее выгодной для граждан формой правления (XLIV. 2. 1–4). Мысль о превосходстве монархии над республикой высказывается Дионом неоднократно (LII. 15. 6; LIII. 19. 1).

Таким образом, Дион дает неоднозначные оценки Бруту и Кассию. Показательны в этом плане размышления Диона об историческом значении битвы при Филиппах: «Впоследствии римский народ не мог уже достигнуть истинной свободы слова, хотя и не был побежден каким-либо иноземным врагом (что касается воинов из числа подвластных народов и союзников, которые тоже участвовали в битве, то они лишь дополняли войско граждан), но сам себя победил и, вместе с тем, потерпел поражение, самого себя разгромил и подвергся разгрому, и, как следствие, обескровил демократическое начало, а монархическое укрепил. И все же я утверждаю, что граждане извлекли пользу из того, что потерпели тогда поражение – что еще можно сказать о сражающихся с обеих сторон, кроме того, что римляне потерпели поражение, а Цезарь взял верх? – так как при существующем государственном строе они уже не были способны поддерживать согласие. Ибо не может неограниченная демократия, при которой было достигнуто такое величие державы, сохранять рассудительность. Ведь истребляя себя в подобных войнах, во множестве следовавших одна за другой, они в любом случае когда-нибудь были бы поработены или уничтожены» (XLVII. 39. 2–5). Данный пассаж как нельзя лучше иллюстрирует позицию Диона, а также ход его размышлений

¹ Manuwald B. Cassius Dio. S. 71.

² Принято считать, что эти речи в известной степени отражают политические идеи самого Диона. Подробно об этом: Махлаюк А.В. Историк «века железа и ржавчины». Кассий Дион и его «Римская история» // Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV–LXXX / пер. с древнегреч.; под ред. А. В. Махлаюка. СПб., 2011. С. 300–306.

³ Manuwald B. Cassius Dio. S. 70 ff., Kuhn-Chen B. Geschichtskonzeptionen. S. 193.

⁴ Токарев А.Н. Становление официальной идеологии. Харьков, 2011. С. 70–71.

⁵ Согласно Аппиану, всем доблестям Брута и Кассия всецело противопоставит «их грех в отношении Цезаря» (B. C. IV. 134).

над судьбоносным поворотом в истории Рима. Он сожалеет об ушедших в прошлое республиканских устоях и пишет о поражении Брута и Кассия как о поражении римлян. Тем не менее, такое сочувствие уступает место трезвой оценке реальных перспектив народовластия в Риме, и опять (как и в 1-й главе XLIV книги) звучит высказывание о том, что победа Октавиана, как и последующее установление единовластия принесло пользу римскому народу.

Неоднозначность, как показывает рассмотренный выше материал, присутствует и в оценке самого Октавиана. Она прослеживается с того самого момента, когда автор вводит его на страницы своего труда. Автор признает, что юный Цезарь, побуждаемый жаждой власти, действовал поначалу дерзко и опрометчиво. Причем появление Октавиана на политической арене автор связывает с последующими неурядицами, постигшими римлян. Все же Дион делает скидку на юный возраст начинающего политика, отмечает его способность доводить начатое до конца и принимать верные решения (XLV. 3–5. 1). Вместе с тем, в «Римской истории» мы находим описание многих деяний Октавиана, которые, согласно Тациту, ему вменяли в вину его современники (Ann. I. 10). К ним относится и использование в качестве предлога «почтительной любви к отцу», и «привлечение ветеранов щедрыми раздачами», «проскрипции граждан», «разделы земель», «подстроенное родство с Антонием», обстоятельства женитьбы на Ливии и т.д. Тем не менее, одни и те же факты могли по-разному восприниматься современниками Августа и историком начала III в. н. э. В целом ряде случаев исследователи, как показывает проведенный выше анализ текста, неоправданно приписывают Диону критику в адрес Октавиана. Дион лишь констатирует факты. Более того, в некоторых случаях, как, например, в рассказе о раздаче италийских земель в 41 г. до н. э., автор, возможно, даже идеализирует поведение Октавиана. Честолюбие, которое движет Октавианом, Дион считал неизменным свойством человеческой природы. Кроме того, такие качества, как двуличие, своекорыстие, переменчивость по отношению к друзьям и врагам в зависимости от собственной выгоды, представлялись древнему историку закономерными чертами политических деятелей эпохи гражданских войн.

Дион как очевидец событий 193–197, 218 гг. прекрасно понимал специфику междоусобиц и полагал, как мы видели, что любому политику, особенно тому, кто поставил своей целью завладеть всей полнотой власти, невозможно остаться незапятнанным, не прибегнуть к самым жестким методам борьбы со своими противниками. Вероятно, тот образ безупречного Октавиана, который мы встречаем в *Res gestae* (1–2), а затем и у Веллея Патеркула (II. 60–87), был бы менее понятен современникам автора, пережившим не одну гражданскую войну и, кроме того, знакомым с разнообразными литературными источниками, которые донесли до них отнюдь не только «официальную версию». Да, Дион не скрывает от читателей такой результат действий Октавиана, как гибель очень многих его политических противников, но, в то же время, он перекладывает вину с самого Октавиана на силу обстоятельств (LVI. 44. 2), а также на ошибочную политику сената (XLVI. 33–35.1). Принимая во внимание всю совокупность оценок, которые Дион дает Октавиану от первого лица, в особенности высказывание автора о том, что наследник Цезаря «вершил государственные дела более дерзновенно, чем любой муж, и более рассудительно, чем любой старец» (XLV. 3–5. 1), можно сделать вывод об определенном концептуальном единстве репрезентации карьеры начинающего политика, которому предстояло стать основателем принципата. Уже сам факт, что Октавиан достиг единоличной власти, вызывает одобрение автора (XLV. 4. 4; LVI. 44. 1). К каким бы средствам политической борьбы он ни прибегал, его конечная цель, установление монархии, по мнению Диона, соответствовала объективным интересам Рима. В этом отношении наследник Цезаря представлен как полная противоположность Брута и Кассия. При всей симпатии автора к бескорыстному служению республиканцев идеалам свободы и народовластия, а также к утраченной с переходом к принципату «истинной свободе слова» (XLIV. 2. 1–4; XLVII. 39. 1–5; LIII. 19. 1), Дион вынужден констатировать бесперспективность сохранения римской республики и практические преимущества единовластия.

Книги «Римской истории», посвященные событиям 44–31 гг. до н. э., по своей идейной направленности не являются обособленными от повествования об «Августовом веке». Ряд вопросов, поднятых в речи Мецената, затронуты Дионом уже в рассказе о раннем этапе политической деятельности Октавиана. Одним из них является вопрос об отношении правителя к политической оппозиции. Согласно Диону, еще во времена проскрипций Октавиан выработал для себя принципы политики *clementia*, которым он следовал, уже став полновластным монархом. Суть этой политики в общих чертах совпадает с предложениями Мецената: проявление милосердия в отношении политических противников из числа гражданских лиц и жесткое преследование тех, кто оказывает вооруженное сопротивление. Кроме того, Октавиан задолго до обретения всей полноты власти понимает важность благосклонного отношения к себе подданных. Причем добивается он этого не только с помощью милосердия, но также посредством уважительного отношения к правам собственников.

В целом, оценки Диона Кассия, относящиеся к политической деятельности Октавиана в период с 44 по 31 г. до н. э., не столь противоречивы, как полагают многие современные исследователи, и не столь резко контрастируют с суждениями Диона об Октавиане Августе после битвы при Акции. Юный Цезарь при всем его честолюбии, дерзости и даже некоторой опрометчивости первых шагов на политическом поприще представлен как хороший тактик, как прагматичный и рассудительный политик, избравший прогрессивный политический курс.

Библиография

1. Барг М.А. 1987. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль.
Barg M.A. 1987. *Jepohi i idei. Stanovlenie istorizma*. M.: Mysl'.
2. Марков К.В. 2009. «Человеческая природа» как фактор истории в труде Диона Кассия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 5. С. 233–238.
Markov K.V. 2009. «Chelovecheskaja priroda» kak faktor istorii v trude Diona Kassija // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. № 5. S. 233–238.
3. Махлаюк А.В. 2011. Историк «века железа и ржавчины». Кассий Дион и его «Римская история» // Кассий Дион Коккеян. Римская история. Книги LXIV–LXXX / пер. с древнегреч.; под ред. А.В. Махлаюка; комментарии и статья А.В. Махлаюка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, С. 372–437.
Mahlajuk A.V. 2011. *Istoriik «veka zheleza i rzhavchiny»*. Kassij Dion i ego «Rimskaja istorija» // *Kassij Dion Kokkejan. Rimskaja istorija. Knigi LXIV–LXXX* / per. s drevnegrech.; pod red. A.V. Mahlajuka; komentarii i stat'ja A.V. Mahlajuka. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Nestor-Istorija, S. 372–437.
4. Межеричкий Я.Ю. 2016. «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке.
Mezherickij Ja.Ju. 2016. «Vosstanovlennaja respublika» imperatora Avgusta. M.: Russkij fond so-dejstvija obrazovaniju i nauke.
5. Межеричкий Я.Ю. 1994. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга: Изд-во КГПУ.
Mezherickij Ja.Ju. 1994. «Respublikanskaja monarhija»: metamorfozy ideologii i politiki imperatora Avgusta. M.; Kaluga: Izd-vo KGPU.
6. Немировский А.И. 1986. Рождение Клио: у истоков исторической мысли. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та.
Nemirovskij A.I. 1986. *Rozhdenie Klio: u istokov istoricheskoy mysli*. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta.
7. Токарев А.Н. 2011. Становление официальной идеологии принципата императора Августа. Харьков: Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина.
Tokarev A.N. 2011. *Stanovlenie oficial'noj ideologii principata imperatora Avgusta*. Har'kov: Har'kovskij nacional'nyj universitet im. V.N. Karazina.
8. Blois L. de. The perception of emperor and empire in Cassius Dio`s Roman History // *AncSoc*. 1998–1999. № 29. P. 267–281.
9. Escribano M.V. Estrategias retóricas y pensamiento político en la Historia Romana de Cassio Dion // *AClass*. 1999. Vol. 68. P. 171–190.
10. Hose M. Erneuerung der Vergangenheit: Die Historiker in Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart: Tübingen, 1994.
11. Kemezis A.M. Greek narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2014.
12. Kuhn-Chen B. Geschichtskonzeptionen griechischer Historiker im 2 und 3. Jahrhundert n. Chr.: Untersuchungen zu den Werken von Appian, Cassius Dio und Herodian. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Lang, 2002.
13. Manuwald B. Cassius Dio und Augustus: philologische Untersuchungen zu den Büchern 45–56 des dionischen Geschichtswerkes. Wiesbaden: Steiner, 1979.
14. Manuwald B. [Rez.:] Reinhold M. From Republic to Principate. A historical commentary on Cassius Dio Roman history Books 49–52 (36–29 B.C.). Atlanta, 1988 // *AJPh*. 1991. Vol. 112. №. 3. P. 413–417.
15. Reinhold M. From Republic to Principate. A historical commentary on Cassius Dio Roman history Books 49–52 (36–29 B.C.). Atlanta: Scholars Press, 1988.
16. Rich J.W. Cassius Dio. The Augustan settlement (Roman history 53–55.9). Warminster: Aris & Phillips, 1990.
17. Swan P. M. How Cassius Dio composed his Augustan books // *ANRW*. 1997. Teil II. Bd. 34. Hb. 3. 2524–2557.
18. Swan P. M. The Augustan Succession: An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History, Books 55–56 (9 A.D. – B.C. 14). Oxford: Oxford University Press, 2004.
19. Wiedemann T. E. J. [Rev.:] Manuwald B. Cassius Dio und Augustus: philologische Untersuchungen zu den Büchern 45–56 des dionischen Geschichtswerkes. Wiesbaden, 1979 // *JRS*. 1981. Vol. 71. P. 201–203.